

Архитектура и градостроительство

И.И. Лагунин

Тысячелетний Псков. Архитектурная летопись.

Историко-градостроительный очерк.

Глава V. Часть I (1510 – 1581 гг.). С Москвой в едином государстве.

Вступление.

1510 год: «... А дворы во Пскове велел князь великий (Василий III Иоаннович – И.Л.) околничим занять на себя, и на бояр, и на околничих, на дьяков и на детей боярских на всех в Среднем городе, а пскович велел выслать всех в Большой город»..., «а в среднем городе не велел быти ни какову человеку псковитину...», «а лутчим людем велел ехать к Москве жити». «...Торг из Середнего города из Домонтовы стены велел вынести в Большой же город, а из Крому велел псковичам всем статки свои и хлеб вывезти по домом, да и клетки свои по Крому велел вывезти. А в Крому не велел быти ни у какова псковитина никакой рухледи, ни запасу. И розмірिति велел в Крому быти церкви его новой, да двору его, да житницам с его хлебом...».¹

Отсчет следующего за Вечевым Московского градостроительного периода (1510-1700 гг.) в архитектурной летописи Пскова однозначно определяется летописными сообщениями о «Псковском взятии» - о присоединении Земли Псковской к единому Древнерусскому государству. После падения Великого Новгорода под ударами московских (и псковских!) войск псковичи не могли не понимать, что судьба Пскова также могла

кардинально измениться. Но человеку свойственно жить надеждой. Псковская элита, возможно, лелеяла надежду на то, что принятые ею политические решения позволят сохранять и далее бразды правления Псковом и Псковской землей по старине - привычное вечевое устройство, военную организацию, экономический, духовный и бытовой уклад. Псков принял политическое подчинение Великому князю (удел), исполнение его указов, оказал помощь в разгроме брата-соперника, принимал согласованное участие в общероссийских политических событиях. Ни о какой самостоятельности в геополитике и речи не было. Псков ожидал от Великого князя защиты, дарования церковной самостоятельности, разрешения внутренних конфликтов. После падения Новгорода прошло немало времени. Положение Пскова на Руси казалось установившимся. Но настал удобный момент, и удар оказался неожиданным и сильным. 1510 год развеял в одночасье приятные заблуждения. Воспринятые от Золотой орды жесткие и коварные методы в собирании русских земель были продемонстрированы Великим князем лично. В один момент функциональная схема развития градостроительного ансамбля вечевого Пскова оказалась под угрозой разрушения жестокими, направленными действиями. Удар был нанесен не только по политическому устройству республики, но и

Лагунин Игорь Иванович, искусствовед-архитектор, член-кор. Академии архитектурного наследия (г. Псков)

по главным функциональным центрам городского ансамбля, которые выражали это политическое устройство. По вечевому комплексу и Крому, стратегическим закрамам республики. По экономическому центру города и гаранту вечевой демократии – Старому Торгу. А также по основному жилому ядру. Все это, собственно, и именовалось в летописных текстах и в разговорном обиходе *городом*. Иерархия всей застройки была изменена в пользу пришлых переселенцев-*сведеных*, которым отводился целиком весь, без исключения Средний город. Путем отселения или переселения коренных псковичей в Окольный город, на периферию за каменные стены и далее в Москву и низовые города. Это не могло не повлечь перемены. Они сказались скоро. Развитие получили Запсковье и Завеличье, заречные части городского ансамбля. Окольный город, который ранее в понятие *города* не вписывался, в силу данных решений получил статус *городской* территории с сотенной организацией (с определенными ограничениями?). По определению Вл. В. Седова,² именно в этот период истории Пскова наступает время новой стратификации населения – на *лутчих, больших и меньших* людей. Город, фактически, разделился. *Лутчие люди* (почти исключительно - *сведеные*) заняли территориально всю старую часть, ядро городского ансамбля. Уцелевшие в ходе переселений *меньшие люди* (которых можно отождествить со *старыми* псковичами – ремесленники и мелкие торговцы, огородники и земледельцы, - заняли периферийную территорию Большого города, центром которой становится Новый Торг, важнейший экономический центр всего городского поселения. *Старые* псковичи поневоле получили мощный экономический рычаг для развития малоосвоенных территорий Большого города и стимул для строительства мощной внешней системы укреплений Окольного города. Пришлые поселенцы и сумевшие приспособиться к новым условиям *старые* псковичи скоро оценили экономические выгоды большой порубежной торговли, привнесли в это дело новый импульс путем активизации посреднической общероссийской торговли. Если прежде Новгород стремился подчинить псковичей и подавить их экономически, то теперь

ситуация изменилась. Для новых поселенцев авторитет Новгорода не существовал, они начали строить свою торговлю, используя все предоставленные выгоды и привлекая новый опыт и связи с другими регионами большой страны. Мощным экономическим фактором нового времени после присоединения для Псковского края, достаточно плодородного по сравнению с соседним Новгородским, стало распространение новыми пришлыми помещиками и вотчинниками передового московского трехпольного земледелия. В первые десятилетия XVI в. это привело не только к росту богатств, развитию торговли, но и к резкому увеличению объемов продовольствия и реальному улучшению жизни городского населения. Однако рост хлебных запасов в XVI ст. на Руси был прямо связан с введением водочной монополии, развитием винокурения и, как следствие, с такими последствиями как укрепление экономики государства, появление отдельных крупных состоятельных фамилий помещиков, купцов и промышленников, общим экономическим упадком и снижением уровня жизни городского населения. Развитие непривычной водочной монополии, вместо патриархальных хмельных напитков стало причиной участившихся больших общегородских пожаров («первопроходцами» на данном этапе стали в 1533 г. именно переселенцы, которые выжгли Средний город).³ Поместная политика Ивана Грозного и проявившееся военное отставание от Европы и, как следствие, неудачи в Ливонской войне окончательно подорвали экономику Псковской земли в условиях новой государственной формации. Все эти факторы ярко характеризуют ту обстановку, в которой развивалось псковское градостроительство в XVI веке.

Городской храмовый комплекс от участия быстро богатевших переселенцев не только не пострадал, но и обогатился новыми решениями, сохранив историческое значение каркаса городской застройки. Важным градобразующим фактором в новых условиях стала система монастырских ансамблей, включенных в городскую территорию Большого города, а также ближайших пригородных храмов и монастырей. Великий князь из уважения к духовному авторитету города, не посягнул на

духовенство и церковное землевладение. Как сообщил летописец, многие псковичи (бывшие *большие люди*) приняли монашеский постриг и, возможно, поспешили прийти в монастыри с крупными вкладами. Надо думать, что они искали способы выжить и по-прежнему участвовать в экономической и политической жизни Пскова. Новое московское правительство искало опору у избранных монастырей, у церковной элиты, которая приняла присягу на верность промосковской новгородской кафедре. Большие льготы, экономическая поддержка, верность единству Русской Православной Церкви способствовали тому, что часть псковской церковно-монастырской элиты безусловно перешла на сторону новой власти (слова старца Филофея о «Москве - третьем Риме» тому подтверждение). В Смутное время, когда раскол внутри Пскова проявился со всей остротой, псковская церковь выступила на стороне *больших и лутчих* людей, которые стали ее опорой. Но городские бедные и малые монастыри Большого города, которые постепенно отмирали, могли разделять взгляды и поддерживать политически притесненных, утративших бывшие права вечевой демократии *меньших людей*, что способствовало расколу городского населения. Следствием новых отношений стали события, особо отмеченные летописцем при описании пожаров 1550, 1562 гг., когда бедные (*меньшие*) люди начинали грабить дома богатых, вместо того, чтобы гасить огонь.⁴ В Смутное время и во время мятежей XVII в. этот раскол городского общества проявится еще сильнее. Тем не менее, новые условия, как уже говорилось, способствовали заселению, застройке и развитию молодых городских территорий Большого города, включая «дальнее» Запсковье и даже Завеличье, что привело к новому подъему и мощному развитию городского ансамбля.

Застенная *посадская* территория с тягловым населением сельского характера формально также включается в структуру города: «...И прислал князь великий дияка Третьяка Далматова.... Того же лета к Троицыну дни приехаши во Псков гости сведенья москвичи з десяти городов 300 семеи; и начаша им давати дворы в Середнем городе, а псковичи всех выпроводиши из своих дворов в Окольной город и на посаде...».⁵ Таким образом,

возрастает статус *посады* в широком смысле этого слова и качество застройки периферийных городских территорий..

Событиям, связанным с присоединением Пскова и нашедшим достаточно полное отражение в летописных известиях посвящены специальные исследования.⁶ Остановимся лишь на градостроительных последствиях одного из наиболее ярких и значительных событий в истории города. Сразу следует отметить, что несмотря на радикальный характер мер по искоренению «вольности» и попытки фактической реконструкции городского ансамбля в региональный (удельный) городской центр, градостроительные последствия указанных решений не были однозначными. Археологические материалы не отмечают резких последствий больших изменений в структуре старой части города. Археологи многократно отмечают устойчивость уличной сети старого города вплоть до XVIII в. включительно, стабильность границ усадебных участков. «В XVI-XVII вв. Псков продолжал стабильно развиваться. В материалах археологических раскопок это прослеживается по резко возросшей плотности застройки в границах стен Окольного города. Все пригодные для проживания участки были освоены. Дренажные системы отводили излишние грунтовые воды в поймы Великой и Псковы...».⁷ Имеется в виду неблагоприятный характер многих участков для застройки, что преодолевалось средствами благоустройства. Градостроительная структура города (как и культура Пскова в целом) сумела адаптироваться к новым условиям и даже приобрела новое пространственное развитие. Сильное объемно-пространственное решение Вечевого города, слитое с выразительным ландшафтом, оказалось вполне перспективным. Новая функциональная схема приспособилась к старым, сохранившимся градостроительным структурам. Замечательный, сложившийся ансамбль получил преимущественно развитие на периферии, что дало новый импульс к развитию города и превратило его уже во II пол. XVI в. в крупный, даже по европейским масштабам городской центр, восхищавший современников-иностранцев. Следует признать, что вливание свежей крови имело свои немалые последствия. Не только трагические

для привычного уклада жизни псковичей, для самостоятельного развития псковской художественной школы (о чем не следует забывать). Но и вполне положительные, имевшие значение для градостроительства, архитектуры Пскова и его культуры в целом.⁸ Немалую роль сыграло то обстоятельство, что новая элита не была монолитной. *«Два сведенца»* - до нашего времени дожила поговорка о людях, которые никак, до ссоры и драки не могут договориться между собой. Очевидно, не было единства в Пскове между переведенцами из разных городов - людей разного уровня состояния, традиций и культуры. Дело осложнялось недоверием московских властей, опасавшихся псковского сепаратизма. Характерна для этого периода частая смена правителей, фактических временщиков, правивших коллегиально (от двух до шести воевод и дьяков одновременно, чтобы труднее было сговориться за спиной Москвы). Это обстоятельство поневоле приводило к незапланированному эффекту - наиболее стабильной силой оставалась местная, разрушенная, обезглавленная, адаптированная, но выжившая и усиливающаяся новая местная псковская элита. Она могла сохраниться под сводами и кровлями монастырских строений: *«...И мнози тогда мужи и жены постригошася во иноческия образъ, не хотяще идти в плен от своего града... многие разбегошася по чужим городом, пометав жен и детей. А кои иноплеменники иноземцы жили во Пскове, и те разыдошася во свои земли...»*.⁹ Косвенно о роли псковичей, на наш взгляд, свидетельствует факт политического долгожительства наиболее известного государственного деятеля Пскова I пол. XVI в. Мисюря Мунехина, заслужившего большой и оправданный авторитет у псковичей. Он был популярен активным участием в большом монастырском, крепостном строительстве. Как известно, Мунехин опирался в своих благих делах на Ортюшу Псковитина - возможно, одного из неформальных местных лидеров. Часть псковских монастырей, прежде всего старых «больших» (Ивановский и Спасо-Мирожский) и новых «московских» (Псково-Печерский и Святогорский) получили значительную поддержку от местных властей и государства. Известны личные вклады Ивана

Грозного в Псково-Печерскую и другие обители, частично сохранившиеся и поныне. Из стен одного из больших псковских монастырей - Спасо-Елеазаровского - прозвучали в послании к дьяку Мисюрю Мунехину, представителю новой власти слова общегосударственного значения: *«Москва – третий Рим, а четвертому не быти»*. Вместе с храмовым комплексом при всех новациях монастыри оставались хранителями традиций, высоких достижений псковского зодчества. Они же стали проводниками новых общерусских и европейских архитектурных течений, в том числе и принципиально новых для Пскова архитектурных форм и приемов. По счастью, на протяжении целого столетия (в рамках I этапа - с 1510 г. и до 80-х гг. XVI в.), очень важного для исторического города в условиях перестройки, псковская культура имела возможность «переварить» и адаптировать к неповторимому городскому ансамблю все новации в архитектуре и градостроительстве. В этой специфической ситуации накопленный псковскими мастерами (зодчими), строителями (каменщиками, прежде всего), потенциал архитектурных форм, приемов, технологий и материалов оказался востребованным. Это обстоятельство сыграло немалую роль в поддержании традиции. Вот почему, на наш взгляд, можно говорить не об упадке, а о новом подъеме псковского зодчества и градостроительства в целом на первом этапе бурного XVI столетия. Ни катастрофические пожары, ни Ливонская война, ни экономические бедствия от политики Ивана Грозного не остановили этот процесс.

Фактически, не состоялась предложенная государем новая функциональная схема Пскова. Кром так и не стал государевым двором и сохранил мемориальную доминантную роль. Троицкий собор сохранил значение главного духовного центра. Государев двор по-прежнему располагался на *площади*, которая отчасти сохранила значение городского административного центра. Торговая площадь лишилась своей главной функции, но Рыбный торг, Коневая площадь все же оставались при ней и в новое время. Церковно-представительская функция Довмонта города сохранилась и даже расширена в ходе реконструкции и нового храмового

строительства на площади. Средний город приобрел значение элитного жилого центра (*город, Старое Застенье*). Кончанские политические отношения сменились кончанскими *соседскими*. Город по прежнему, по старинке делится на концы. А бывшие кончанские храмы получили новое развитие и перестраиваются в традиционных, но еще более внушительных формах (храмы Николы со Усохи, Петра и Павла с Буя, Михаила Архангела, Богоявления с Запсковья).

Еще более интересные градостроительные события происходят на городской периферии. В Большом городе появляется важнейший для всего городского ансамбля и второй по значению после Крома торгово-экономический центр – Новый Торг. Здесь активно развивается, связанная с Торгом жилая застройка и новая уличная сеть. На рассматриваемом этапе в этой части города произошло важнейшее событие – новая жилая часть города, подобно Среднему городу былых времен, окончательно закрылась от неприятеля мощными крепостными каменными стенами Окольного города. Налицо прямое тиражирование прежних решений. Переселение псковичей в Большой город надо признать одной из важнейших причин, наряду со всеми остальными, для подобного радикального действия. В Запсковье происходит то же самое – периферия застраивается. Очень существенная часть застройки связана с развитием ремесленных производств. Как и в древние времена, частью города стало Завеличье, соединенное с городом, постоянно возобновляемым наплавным мостом. Оно украсилось новым крупным центральным храмовым комплексом (храм Успения с Пароменья). Его большая звонница обращена к Троице и городу. Ориентация звонницы недвусмысленно говорит о призыве к защите и поддержке. Предградье, поле, где по-прежнему ведущую зрительную роль исполняют старые монастыри и новые храмы, также развиваются. По трассам больших дорог строятся монастыри и храмы, развиваются пригородные посады (Петровский, посад за Варлаамскими воротами). Большую территорию занимают огороды (огражденные участки для земледелия

горожан). За ними (за частоколами?) даже можно было укрыться во время военных действий, как это делали поляки в 1581 г.

События великой обороны Пскова 1581-82 гг. достойно завершают I этап «Московского периода» в жизни городского ансамбля. Рамки рассматриваемого этапа определяются законченным циклом в развитии Псковской крепости и ее внешних укреплений (т.н. Окольного города), которые выдержали жестокое испытание большого европейского нашествия 1581-82 гг. В результате, не только окончательно определились, но и закрепились новые границы собственно городской территории. Крепостные укрепления получили закрытый боевой периметр. Застенные посады, выжженные псковичами на время осады, на какое-то время исчезли. Некоторые монастыри, а возможно, и иные пригородные поселенческие образования переселились под защиту крепостных стен. Город наполнился на период военных действий, получил приток населения за счет расширенного воинского гарнизона и округи. Он укрепился в новых границах. Это не могло не сказаться на стабилизации новых структур, особенно в периферийной части. Военные действия потребовали развития и укрепления уличных радиальных и концентрических коммуникаций в пристенной части. Все это вместе позволяет считать градостроительный этап завершенным. Он был достаточно наполненным не только историческими, но и строительными, планировочными событиями, получившими вынужденное завершение на момент осады.

Неизвестно, как происходило бы дальнейшее развитие городского ансамбля, если бы не общий упадок государства, вызванный внутренней политикой Ивана Грозного, Ливонской войной и началом Смутного времени. Эти события создали предпосылки для следующего градостроительного этапа. Через весь I этап Московского градостроительного периода красной линией проходит тема развития Пскова как военно-оборонительного центра в границах Большого Окольного города. На данный этап имеется значительный свод летописных и литературных известий, археологических материалов, первый известный план города, неоднократные, по-

рой весьма красочные описания городского ансамбля. Вот наиболее известное, связанное с обороной от войск Стефана Батория: «...**Город чрезвычайно большой, какого нет во всей Польше, весь обнесен стеной; за ней красуются церкви, как густой лес, все каменные; домов за стенами не видно. Местность превосходная: город расположен на красивой равнине;**¹⁰ в миле от города сливаются две реки, Великая и Череха... третья речка Псковка впадает в две первые и, протекая через самый город, доставляет тем самым осажденным большие удобства. В полмили от города тянутся частые холмы, покрытые можжевеловником...». А. Поссевино, папский легат, иезуит, прямой свидетель обороны, автор либо заказчик копии штабного плана Псковской крепости – самого раннего, дошедшего до нас плана города, дополняет это известие сообщением о том, что город «битком набит деревянными домами».¹¹

Итак, в соответствии с принятой схемой градостроительной периодизации, попробуем более детально разобраться в характере изменений в ансамбле города Пскова и последствиях градостроительного этапа 1510-1581 гг.

1. Функциональная структура городского ансамбля.

О функциональной структуре города Пскова после присоединения сказано выше. Мы можем судить о ней по известиям летописей, по данным большой археологии, и на данный период еще и по литературным источникам. В 1549 г. вышла в свет книга Сигизмунда Герберштейна, дипломата Священной Римской империи, побывавшего в России в 1517 и 1526 гг., - «Записки о Московитских делах», в которой есть описание Пскова. «...**Город Псков расположен при озере, из которого выходит река, носящая то же название, протекает посредине города и через шесть миль вливается в озеро, которое русские называют Чудским. Город Псков один только во всем владении московского государя окружен стеною и разделен на четыре части, каждая из которых заключена в своих стенах...**». Несмотря на очевидные ошибки автора в описании рек, он отмечает

важнейшую особенность Пскова среди русских городов. После Москвы это единственный город, имеющий несколько колец каменных крепостных стен и соответствующее внутреннее деление. Можно спорить о том, какие 4 части имел в виду Герберштейн (очевидно, - Кром, Домантову стену, Средний и Большой Окольный город¹²), но основное достоинство планировки он отметил верно. Для данного этапа и функциональной структуры Пскова самая характерная черта – разделение города на элитную часть, *город*, где изолированно проживали привилегированные переведенцы, и весь остальной, Окольный город, к которому примыкали Запсковье и Завеличье, где жили одни только старые и *черные* псковичи. НІУЛ, 1533 г.: «*Божьим попущением бысть во Пскове пожар велик, яко весь Средний город выгоре, где живут гости московские...*». ¹³ В историческом центре всего города также наметились изменения. Как известно, Кром функционально включал на данном этапе государевы закрома и Дом Святой Троицы. К последнему отныне все более тяготел церковный комплекс Домантовой стены, который утратил свою историческую связь с большим Торгом. На месте Старого Торга формируется новая *площадь*, со своим храмовым комплексом. Средний город в целом остался элитным районом жилой застройки. Большой Окольный город включал теперь жилые застройки, ремесленные районы и производства, монастыри, резервы территории на случай осадного времени. А также Большой Торг – новый экономический (и политический) центр большей части города, принадлежавшей *старым (черным)* псковичам. Любопытно следующее замечание С. Герберштейна: «...*Литовские агенты в 1534 г. доносили королю, что «во Пскове нет войска: одни только купцы, переведенные из Москвы, да черные люди псковичи; но черные люди часто сходятся на вече; наместник и дьяки им это запрещают, не зная что они там думают...*». Центром таких несанкционированных собраний в это время мог служить Новый Торг (?), поскольку центральная часть города контролировалась переведенцами и администрацией. Очевидно, что Большой Торг стал новым, вторым крупным центром городской функциональной структуры.

Запсковье отличалось наличием территорий для сельскохозяйственных занятий. Особый район составляло не огражденное столь же мощными укреплениями Завеличье с посадской застройкой, которое тоже должно было иметь какую-то ограду. Оно сливалось с пригородными монастырями, производствами и сельскохозяйственными угодьями, иноземными торговыми дворами и придорожными застройками. Последние включали пригородные посады, монастыри и храмы, ямские дворы и часовни. Застройки облегалo Поле – территория сельскохозяйственных занятий и угодий. К округе, тяготеющей к городу вместе с дальними пригородными поместьями, вотчинами, деревнями и монастырями, и тесно связанной со столицей края, можно применить термин Окологородье.

2. Планировка города и его архитектурно-пространственное построение.

В целом, архитектурно-пространственное построение города остается моноцентрическим и определяется направлением течения р. Великой, которая образует возвышенный мыс при впадении Псковы – естественный центр городского ансамбля. Город давно вышел за Пскову на север, за Великую на запад и, оставаясь сегментным по планировке, стремясь к круговой композиции. Новая динамика наиболее активно захватила южное и восточное направления в пределах исторической территории Большого Окольного города. Она характеризуется уплотнением застройки и освоением площадей в пределах кольца крепостных сооружений Окольного города. Наиболее активно здесь развивается комплекс Нового Торга. Но градостроительным центром всего городского ансамбля остается возвышенный ансамбль Псковского кремля с комплексом храмов Домантовой стены. Храмовый комплекс играет роль структурного каркаса всей жилой застройки, а пригородные и городские монастыри – внешнего контура - зримой духовной защиты города. Планировочная структура радиально-кольцевая, на данном этапе кустовая, разветвленная. Основные радиальные трассы – главные исторические улицы, которые по-прежнему выполняют роль магистралей и акцентиро-

ваны цепочками храмов и монастырей. Они имеют дорожное продолжение вне города. Заметно усилилась роль Петровской улицы как московско-новгородского направления. Торгово-экономическое развитие Окольного города привело к образованию такой мощной радиальной магистрали как улица Большого Торга (современная Некрасова). Внутренние деления и внешний контур городского ансамбля зафиксированы фасадными линиями каменных укреплений с воротными башнями и проездами. Типичный средневековый город закрытого типа. С внешних видовых точек особенно сильно воспринимаются речные панорамы, напольный фронт укреплений. Хорошо читается ансамбль городского центра во главе с Кромом и Троицким собором, а также система локальных доминант - завершенный приходских и кончанских храмов, Рядовая, живописная и сплошь деревянная усадебная жилая и ремесленная застройка со своими местными частокольными ограждениями заполняет внутреннее городское пространство, согласуясь с рельефом местности, речными долинами, горками и низинами. Только в Застенье, по сведениям летописи, размещалось 6,5 тысяч (!) дворов.¹⁴ Для сравнения можно привести некоторые данные по Великому Новгороду, который в сер. XVI в. достиг своего расцвета и сравнялся с Москвой. *«...Его население к середине XVI века...составило 25 тыс. человек.... После падения республики лучшие дворы (298) заняли московские помещики. Во владении церкви в перв. пол. XVI века числилось 824 двора, тяжелой посадской общины – 4355 дворов. Посадские люди занимались ремеслом, извозом и торговлей. Немалое число жителей занималось исключительно земледелием, держали огороды и сады... Показателем развития ремесла явилось наличие в XVI веке более 200 ремесленных специализаций..».*¹⁵ В платежной книге 1585 г. указано, что в Пскове было тоже 5 концов и 33 посадских сотни.¹⁶ А. Поссевино отмечал, что в мирное время в нем жило не более 20 000 человек. И. Вундерер (1590-91 г.) приводит количество - 41 тыс. домов(?). По данным Писцовой книги 1585-87 гг. весь город показан деревянным, за исключением стен и церквей. В нем было также около 1800 торговых лавок.¹⁷

Неудобицы часто служат для размещения ремесленных производств. Средневековый город, который по меткому определению французского архитектора, развивался «по следу осла» на каменистой тропе, точно и осторожно следуя за рельефом местности, приобретал за века необыкновенную выразительность, красоту и законченность, которая не требует специальных искусственных построений. Можно говорить о таланте псковских зодчих, которые создали не только отдельные шедевры, но и сформировали целые ансамбли архитектуры, но представить себе, чтобы кто-то на протяжении веков специально регулировал и отслеживал процесс градостроительства - весьма сложно. Такое подвластно только божественному промыслу. Тем более, что мы знаем сколь противоречиво было время после присоединения к Москве. Неизвестно также о реализованных попытках перепланировки Пскова после присоединения, как это было отчасти в Новгороде.¹⁸ Поэтому уместно привести мнение проф. Н. Гуляницкого о символических построениях: «...О наличии в русских городах X-XV вв. каких-либо специальных построений, основанных на символике геометрических фигур или чисел, пока говорить не приходится, за неимением сколько-нибудь достоверного материала...».¹⁹ Нет его и для Пскова XVI века. Градостроительный ансамбль, который занимал в кольце крепостных стен площадь около 215 га, и с посадами не менее 428 га., на рассматриваемом этапе сформировался окончательно. Впоследствии, до второй пол. XX в., он, фактически, не выходил за эти пределы. Вот мнение археолога: «...В XVI-XVII вв. Псков продолжал стабильно развиваться. В материалах археологических раскопок это прослеживается по резко возросшей плотности застройки в границах стен Окольного города. Все пригодные для проживания участки были освоены. Дренажные системы отводили излишние грунтовые воды в поймы Великой и Псковы... В охранные раскопы попали и несколько прицерковных и монастырских кладбищ, расположенных внутри городских стен... В XVI-XVII вв. развивается посад за пределами городских стен.... К посадку вплотную примыкали сельские поселения, Попытка изучения культурного слоя одного

из них, расположенного у дороги в Изборск, была предпринята в 2003-2004 гг. (Яковлева Е.А., Закурина Т.Ю.)... Сравнение плана распространения средневекового культурного слоя с планом Пскова нач. XX в. показывает, что в XVI-XVII вв. Псков достиг максимальных размеров, которые сохранились вплоть до новейшего времени в связи с утратой в начале XVIII в. его значения как крупнейшего ремесленного и торгового центра в северо-западных землях Российского государства...».²⁰

Об ансамбле Пскова рассматриваемого этапа мы впервые можем составить некоторое зрительное представление. Во время обороны Пскова между 18 и 21 августа 1581 г. (судя по надписи о сожжении посада) с польской стороны был составлен штабной план осады, копия которого сохранилась в ватиканском архиве.²¹ «...Начертание Пскова... схематично, но верно передает ориентацию и общую топографию города и его окрестностей. Обозначены стены Большого Окольного и Среднего города... количество башен преуменьшено, но Гремячая...верно представлена одной из самых высоких... довольно точно локализовано взаимное местоположение Верхнего и Нижнего замка, а также княжеского замка в 3 этажа с пристройками и 2 башенками (один показан в Среднем городе). В замке в 1569, 1577, 1579 и 1580 оставался Иван Грозный. Изображение с западной стороны, как на иконах...»²² Конечно, военная схема не может дать полного представления о городском ансамбле, но она передает общее планировочное решение, показывает мощь оборонительных сооружений и в сравнении с изображениями малых псковских городов-крепостей дает представление о масштабе удельной столицы Псковской земли.

Псковский Кром (укрепленный центр).

«...а из Крому велел псковичам всем статки свои и хлеб вывести по домом, да и клетки свои ис Крому велел вывести. А в Крому не велел быти ни у какова псковитина никакой рухледи, ни запасу. И розмерити велел в Крому быти церкви его новой, да двору его, да житницам с его хлебом...».²³ Судя по сообщениям иностранцев 1581 г. о том, что «... Во Пскове... продовольствия достаточно;

тысяча государевых клеток стоят у церкви св. Троицы, наполненные хлебом...»,²⁴ с клетками градостроительная ситуация в Крому не изменилась. Можно предположить вполне естественное преувеличение (автор не мог видеть сами клетки, и пользовался слухами). Государевы клетки к тому времени однозначно были выстроены заново. В 1562 г.: «... Того же лета, апреля в 28 день, загорется въ Пскове оу Нового креста на Полоници.... И Кромъ выгореть и житницы великого князя и церковь огоре живоначальна Троица...».²⁵ Новые клетки могли архитектурно не вполне соответствовать традиционным псковским двухъярусным клеткам, имевшим несколько иное функциональное назначение. Могла быть изменена и планировка клеточной застройки. Но градостроительно мы имеем дело с прямым цитированием старой вечевой функции в застройке северной части Крома. При этом, наверное, воспроизводилась и внутренняя ограда, продолжалась изоляция северной части Крома – редкая своеобразная и архаичная особенность городской цитадели.

Детинец, «Дом Святой Троицы» не изменил местоположения, но утратил вечевой комплекс. Для псковичей, да и для переселенцев соборный храм сохранял прежнее величие символа вечевого Пскова. Даже после пожара 1562 г., в котором погорело его убранство и дорогие свинцовые покрытия: «...Того же лета, апреля в 28 день, загорется въ Пскове оу Нового креста на Полоници, и ... и церковь огоре живоначальна Троица...».²⁶ «...В лето 7070-го. Погоре славный град Псков весь, и живоначальна Троица храмъ, а крыт был весь храм свинцом и приделы...».²⁷ Еще прежде, в 1543 г. храм подвергся реконструкции. В соответствии с новой общерусской традицией, он обстраивается боковыми приделами, в которые снесены с полатей (хор) традиционные псковские верхние миниатюрные приделы. Это произошло сразу после вступления в сан митрополита Всея Руси (1542) и бывшего новгородского владыки Макария, хорошо известного своими строительными заслугами. «В лето 7051... Того же лета в живоначальнеи Троицы снесоша с полати две служебъ в придеды, Знамение святей богородицы да святыи мученик Фрола и Лавра, при попе Климентее

Большом...».²⁸ В градостроительном плане эти изменения не повлияли ни на значение соборного ансамбля, ни на самую роль «Дома Святой Троицы». Приделы заместили старые пристройки вечевого архива и палаты заседаний Господы – совета бояр. Южный придел, возможно, уничтожил прежние соборные «сени», один из главных символов вечевого комплекса. Неизвестно, как теперь выглядело прицерковное кладбище – огражденный буй Святой Троицы. Но верха соборного храма, который по-прежнему возглавлял весь городской ансамбль, еще долго демонстрировали многоглавие необыкновенной центрической композиции храма мастера Кирилла. Даже после большого пожара и всех перестроек.

Перси и захабы двух главных входов в кремль сохранялись в прежнем виде до пожаров и взрыва пороховых погребов в 1565 г.: «...Лета 7073. Погоре Псков весь, и кремль, и зелье в полате у Святых врат, и на обе стороны стены вынесе, где ныне владычень двор...».²⁹ Вместе с бывшей вечевой звонницей они, в основном, сохраняли на данном этапе традиционный вид. Широко известен факт снятия в 1510 г. главного Корсунского колокола с вечевой звонницы и отправки его на Снетогорское подворье и далее в Москву, как утраченный символ вольного Пскова. Менее широко известно о дарах Великого московского князя - возвращении в 1519 г. на место Корсунского большого Красного колокола,³⁰ а еще прежде малого колокола **на место вечника**: «В лето 7026. При самодержце великом князе Василье Ивановиче всеа Руси... Тоя же весны в великий постъ присла князь великий к живоначальнеи Троицы большои колокол, где вечевои был; а преже того незамного прислал менишии колокол в корсунского места, что на съни в него звонили, как вече было...».³¹ Это прямое подтверждение сохранения основных архитектурных форм, сопровождавших вечевой комплекс. Не сразу они подверглись специальной перестройке и реконструкции. Особенно выразителен факт замены **вечника** на сенях Троицкого собора. Великий князь первоначально планировал обустроиться со своим подъездным двором на территории бывшего вечевого комплекса в подкове Персей и приспособить существующие формы к новым целям. Однако этого

не произошло. Подъездной государев двор остался на площади, на месте старинного Княжего двора.

И все же перемены в ансамбле Персей, которые изменили выразительную, идеальную схему вечевого ансамбля, произошли. Г.Я. Мокеев считает, что на следующем этапе рубежа XVI-XVII вв. следует из документов, что ...: *На вечевой площади, превращенной сначала в государев двор, была выстроена церковь деревянная Сорока Мучеников, перестроенная в камне на рубеже XVI-XVII вв...*³² Точная дата его строительства неизвестна и мы не имеем подтверждений строительства на б. Вечевой площади храма, «размеренного» по приказу Великого князя. Именно этот акт должен был бы стать символом нового правления. В сообщении 1510 г. речь идет о храме Благовещения. На данном этапе именно такой храм, возможно, появился в ансамбле Персей над Смердьим захабом (факт, не отмеченный летописцами). Строительство известного Благовещенского храма изначально связано с главным проходом к Троицкому собору для верующих горожан. На более поздних «иконах 1581 года» он изображен возвышающимся над западной стеной Крома. Очевидно, что храм надвратный, выстроен над внутренними воротами захаба, ведущего к главному входу в Троицкий собор. Первый известный пример строительства в Пскове надвратного храма. При этом (не позднее XVII в.) внешние ворота захаба выведены наружу, на набережную р. Великая. Под 1535 г. Смердьи ворота упоминаются в последний раз: *«...Того же лета поделаиша старую стену от Великие реки от Смердих ворот по Домантове стене до Княжих ворот, а от Княжих ворот до Боурковского костра, изнутри приделаиша деревянную стену, по чему ходити...»*³³ Изменяется характер оборонительных стен, к которым пристраивается изнутри деревянный боевой ход. Проход под Смердьей башней в «Московский период» был заложен, а речные ворота получили значение одного из главных проходов в Кром, к Троице. Смердьи башня перестраивалась – ныне на месте проема Смердьих ворот в нижнем ярусе сплошной массив стен. Арка речных ворот (ныне заложённых) видна. Перестройка Смердьего

захаба, осененного храмом Благовещения – наиболее выразительный символ перемен в Псковском кремле, осуществленных, скорее всего, в 1560-х гг. Следует обратить внимание на посвящение во имя Благовещения главного каменного собора 1561-62 гг. в Казанском кремле, который строили псковичи. И на формы надвратного храма Николы Ратного 1564-65 гг. в Псково-Печерском монастыре, построенного старцем Пафнутием (Петром Заболотным). Эти события близки к переменам в захабе Великих ворот, которые перестраивались после взрыва 1565 г.: *«...Лета 7073. Погоре Псков весь, и кремль, и зелье в полате у Святых врат, и на обе стороны стены вынесе, где нынеладычень двор...»*³⁴ Обе стены Темного захаба не сохранились – наружная восстановлена на период до взрыва, с пороховыми погребами; западная стала стеной Митрополичьего двора (не исследовалась). Восстановлены и сами Великие ворота (1994 г.). Новым элементом всего комплекса «Московского периода» можно признать надвратную палатку (восстанавливалась в XIX в. и 1994 г.) – нетрадиционный элемент, не связанный ни с оборонительной функцией, ни с прежним строгим ансамблевым решением. Возможно, внутри комплекса Персей велось и другое строительство. В житийной литературе, посвященной псковскому юродивому Николаю Салосу и чудесному спасению им в 1570 г. города Пскова от гнева Ивана Грозного, упоминается тесная *келлия* юродивого под соборной колокольной, в которую он зазвал грозного государя.³⁵ Помещение (палатка) могло оставаться от вечевого времени (теперь оно глубоко под засыпкой).

Уже упоминавшийся пожар 1562 и взрыв 1565-го гг. заставили псковичей заняться восстановлением «Дома Святой Троицы» всерьез. С полной утратой вечевого комплекса и отменой великокняжеских замыслов и кончиной самого Великого князя, значение «Дома Святой Троицы» распространилось на всю южную часть Крома. Это потребовало восстановления и корректировки устройства воротных захабных проездов, строительства надвратных строений, включавших новый теплый Благовещенский храм. Новый храм вписался в речную панораму кремля со стороны р. Великой как духовный защитник го-

рода со стороны новых речных ворот и стал одним из ярких элементов речной панорамы Пскова «Московского периода». Ансамбль Персей, как прежний символ вехового Пскова «размывался» постепенно и окончательно утратил это качество в описываемое время. Это сопровождалось засыпкой Гребли, потерявшей оборонительное и граничное значение.

Реконструкция сопровождалась мероприятиями по укреплению Крома. В 1517 г. с участием архитектора-иностранца: «... *Наделаиша стены 40 сажени во Пскове на Крему от святея Троица до костра Снетового над Рыбным Торгом, а паде в великии постъ. И тогда задела летом тую 40 сажени Иванъ Фрязилов...*».³⁶ Как отмечает Вл. В. Седов, участие иностранного мастера и его новации в архитектуре остались «незамеченными» псковичами и не сказались на линии традиционной архитектуры. Пожар 1562 г. потребовал новых восстановительных работ: «...*И зелье было в Крому в погребях, и так загорелися и стену вышибло к Рыбникам, и много людеи побило и по Запсковью, и пушки огорели и ядра каменныя разсыпалися от огня...*».³⁷ В то время псковские каменщики, предположительно, только вернулись из Казани, работы по городу по государевым наказам было более чем достаточно.³⁸ Поэтому стена в Рыбниках в 1563 г. построена после пожара как временная деревянная,³⁹ а государевым каменщикам, возможно, было поручено в первую очередь строить новую каменную зеленую палату вместо старых погребов над Рыбниками (упом. под 1565 г.). Укрепленный центр Пскова, утратив значение оборонительного и вехового центра, фактически приобрел значение «Дома Святой Троицы», под защитой которого находились стратегические государевы закрома и зеленые припасы.

Довмонтов город и храмовый комплекс города.

Уже в I пол.XVI века отмечается общий подъем в строительстве и «*бурный рост псковской экономики*»: ⁴⁰ «...С 1516 по 1533 г., судя по летописи, в Пскове было построено 17 церквей, тогда как за предшествующее столетие (с 1404 по 1598 г.) – всего 38..». При этом «...псковское зодчество оказало огром-

ное влияние на развитие московской архитектуры...».⁴¹ Можно говорить о взаимовлиянии, поскольку достижения московской и общерусской архитектуры, участие в строительстве вне Пскова, с чужими заказчиками не могло не сказаться и на псковском строительстве и архитектуре. Это взаимовлияние оценивается специалистами по-разному, но в градостроительном плане очевидно преобладание традиционализма. Большое строительство в Пскове не нарушило традиционную схему храмового и монастырского комплекса, хотя несомненно внесло немалый вклад в ее развитие. О масштабе храмового комплекса по Пскову точных статистических данных нет, но есть упоминание общего количества погоревших церквей на 1562 год: «... *и церковь огоре живоначальныя Троица и все церкви в Домантовой стене, и колоколы по колоколницам сваялися; а всех церквей и в монастырех 52 огорело и деревянных и каменных... А толке бог помиловал... толко в Застеньи осталося, отняли церквей архаггела святого Михаила да Гавриила, да Спасову церковь да Николоу чудотворца да Варвары мученицы, да Печерскои двор и церкви Одигитриа пречистыя, да Великого Василия, да Петра и Павла и Бориса и Глеба, то место и дворы бог помиловал и съхранилъ...*».⁴² Можно сравнить эти данные с Новгородом Великим, которому Псков в этот период уступал в масштабах. «*Въ Великомъ Новегороде 5 концовъ... (как и в Пскове – И.Л.)... Большая церковь соборная Софией Святымъ Божию Премудрости, а служб в ней 7... На владычном дворе 7 церквей, а всех церквей в Новегороде 80 церквей каменных, едина деревянная токмо Михаил святымъ, а приделов у тех церквей 78, а всех престолов Великом Новегороде сто да 60 отпоч монастырей загородских, а вседневных служебъ 40 да 4...В Семисоборной росписи ... указан 161 престол...*».⁴³ Храмовый комплекс Новгорода был, очевидно, на данный период крупнее, имел иную структуру, но был вполне сопоставим с псковским, если учесть, что в описании пожара, возможно, не учтены придельные престолы, которые становятся обычными и для псковских храмов (Богоявления с Запсковья, Козьмы и Дамиана с Примостья). В описании пожара указано не менее 60 храмов. Если они уже имели,

подобно новгородским, приделы, а также учитывая большое число монастырских комплексов внутри города, количество церквей было велико. В Дневнике Пиотровского 1581 года приводятся данные о количестве церквей в Пскове: «...Во Пскове... стоят только замки (стены – И.Л), в которых находится 300 каменных церквей...». ⁴⁴ Сведения явно завышены, даже с учетом пригородных храмов и монастырей. Это скорее эмоциональная оценка. Но даже если приведенное число поделить пополам, на данном этапе храмовый комплекс безусловно возглавлял градостроительный ансамбль Пскова и не уступал новгородскому.

При полной смене населения элитной части Пскова, на которую могла опереться центральная власть, казалось бы, можно было ожидать резких перемен в строительной, архитектурной и градостроительной политике и храмовом строительстве. Но и этого не произошло. Мы уже отмечали, что пришедшая элита не могла быть монолитной. Переведенцы пришли из разных земель и не составили единый монолит. Наоборот, как это бывает после резких политических перемен, местные силы оправились и собрались воедино, чтобы попытаться восстановить былое положение. В строительной практике местная школа со своими материалами, технологиями и консервативной традицией, имевшая авторитет на Руси, не могла и не хотела отказываться от привычных форм и приемов. Ее можно было только вытеснить пришлыми мастерами, но такого явления не наблюдается. Везти в Псков каменщиков – все равно, что ехать в Тулу со своим самоваром. Псков привнес в Древнерусское государство свой опыт и свои архитектурные достижения, как вклад, еще в Вечевой период. Можно говорить только о взаимовлиянии псковской и московской архитектуры. Новые черты и особенности в храмовом зодчестве Пскова безусловно проявились, но не отменили прежних. ⁴⁵ Широкому каменному церковно-монастырскому строительству способствовали великокняжеские привилегии и меры по упорядочению церковной жизни и церковно-монастырского управления (ограничение сроков подъезда владык, ликвидация смешанных монастырей и др.). В 1525 «великий князь Василий III

освободил псковское духовенство, живущее в тяглых дворах (115 дворов) от всех платежей, кроме владычной дани и подъездов. Тягло же с тех дворов велел разложить на псковичей... Грамота подтверждена в июле 1535...». ⁴⁶ Процесс нового церковного устройства не был совсем уж безоблачно благоприятным. Под 1544 г. летописец сообщает: «В лето 7052. ...и отколишиася от городцких попов от всех 7 соборов сельские попы и пригородцкие, а владыка Феодосий благословил, старосту им дал Ивана попа егорьевского з Болота, что на них в корму городцкие попы взяли сверх себя; и бысть оу них смятение велие...». ⁴⁷ Сообщение косвенно свидетельствует о сильной позиции старого псковского городского духовенства. Оно обладало реальным материальным ресурсом в церковной сфере, который владыке пришлось даже ограничивать из-за злоупотреблений соборного священства.

Некоторые замечания об особенностях церковного строительстве Пскова XVI в. Во-первых, появились принципиально новые формы – храмы на подклетах («на погребках»), а в случае с Благовещенским в кремле – надвратные. В соседнем Новгороде надвратные храмы были широко распространены, по крайней мере, с к. XIII в., они не были новостью и для псковичей, но не получили здесь распространения. Столпные храмы, имеющие очевидно доминантное градостроительное значение, можно выделить в особую группу. Широко распространяется традиция обстройки основного четверика приделами, притворами, палатками с надстроенными столбчатыми звонницами. В монастырском строительстве при митрополите Макарии характерными для всей Руси и Псковской земли стали трапезные комплексы (трапезная палата в одной связи с трапезным храмом), которые появились и в городском ансамбле. С начала XVI в., возможно, несколько ранее присоединения (храм Козьмы и Дамиана с Примостья, упом. в 1506 г.), появляются и становятся традицией пристроенные придельные храмы, удобные тем, что они могли быть выстроены, добавлены к основному объему в любое время. Они решали проблему общинных богослужений в холодное время года. Малые храмы на хорах та-

кую роль выполнять не могли. Как правило, теплые придельные храмы стали устойчивой традицией на века. Но объемное решение храма становится менее стабильным, подвижным, расширяющимся в ширину и высоту. И в художественном решении храмовых и особенно монастырских зданий, которое в старой псковской традиции отличалось лаконизмом и сдержанностью, проявляются новые выразительные средства. Локальные живописные композиции на фасадах храмов распространяются и становятся типичными. Декоративные элементы – пояски бегунца, поребрика, валиковые разводы на алтарных апсидах – привносят новый декоративизм (безудержный, если учесть традиционную сдержанность). Развитие этих приемов во многом связано с пришлыми «москвичами» (пример храма Варлаама на площади - «Деисус» на западном фасаде, 1527 год). Также как традиция высокого иконостаса в интерьере, иная трактовка расширяющегося внутреннего пространства храма, строительство пристроенных часовен-усыпальниц и некоторые другие новшества. Но не стоит забывать и о том, что псковские мастера, работавшие нередко далеко за пределами родной земли, не были закрыты к восприятию новшеств и сами были проводниками новых взглядов. Очевиден постепенный отход от романо-византийской традиции и собственная интерпретация западноевропейской готики, которая доживала последние дни на периферии Европы. Если вдуматься, многие новые приемы созвучны идеям готики, которая не могла оставлять равнодушными восприимчивых, но устойчивых в своих взглядах псковичей. Щипцовые, многоскатные завершения храмов; треугольные завершения проемов; поиски новых выразительных декоративных и свето-звуковых средств в интерьерах (системы голосников, форма оконных проемов, которая «работает» как окуляр при определенном положении солнца), новый декоративизм и зрительная дематериализация массива стен и объемов – все это можно истолковать как восприятие и переосмысление общеевропейских идей. Все это намечилось еще в Вечевой период. Только ныне вечевая организация, служившая гарантом строгой консервативной традиции, перестала суще-

ствовать и ограничивать творческие устремления. Новый заказчик, пришедшая элита также стала проводником некоторых новых архитектурных мод. Воплощение этих новшеств оставалось за традиционными псковскими мастерами. Это важное обстоятельство для понимания происходивших архитектурно-градостроительных процессов, которые дали впечатляющие результаты.

Ю.П. Спегальский «...констатирует, что главным типом XVI в. был кубический одноглавый трехабсидный храм со ступенчатыми сводами (или реже – сводами без подпружных арок) и с восьмискатным покрытием...; отметил увеличение размеров памятников, появление новых конструкций и декоративных приемов. Если по мнению исследователя композиции верха храмов упростились, то общая композиция была усилена приделами и притворами..., усложненное решение сочлененных объемов... К сер. XVI в., начиная с 1540-х гг. Ю.П., вслед за Морозкиной относит появление новых приемов..., которое связывает в более значительной мере с влиянием среднерусской – московской – архитектуры... К этим новым приемам отнесены: пятиглавие, позакомарное покрытие, столпообразные храмы, более сложная орнаментика в декорации (ко второй пол. века – Анастасии в Кузнецах, Климента папы Римского, Старое Вознесение, Николы в Любятове, Василия на Горке)...». ⁴⁸ Вл.В. Седов отмечает устойчивость типа «большого храма» (от 13x13 до 16x16 – подкупольный квадрат со стороной от 3 до 5 м., с наличием 3. палаток). Более того, он считает, что, начиная с к. XV складывается «канон» псковского храма (Никола в Устье и Богоявления на Запсковье), который преобладает в XVI в. (Успения с Парменья, Петра и Павла с Буя и др.) ⁴⁹

В градостроительном плане принципиально важным стало новое понимание храмовой архитектуры как ансамбля - «ансамблевый принцип» в храмовом зодчестве, по определению Вл.В. Седова.⁵⁰ Он проявился в строительстве многообъемных сооружений и комплексов. Например, в строительстве боковых придельных храмов, звонниц на палатках либо на стене четверика, пристроенных или отдельно стоящих. Во второй половине столетия развивается новый тип

большого «грозненского» храма с симметричной торжественной композицией – два придела (либо четыре, как в Троицком соборе, который оставался эталоном). Они располагались по сторонам от главного престола, по центру могла симметрично располагаться звонница. Либо, как в традиционном псковском варианте, звонница возводилась на палатке, пристроенной к северо-западному углу всего сооружения (Новое Вознесение, Воскресение со Стадица, храм Богоявления с Запсковья). Особенно ярко новации проявились в монастырском строительстве, чему в немалой степени способствовала новая традиция возведения отдельно стоящих трапезных комплексов. А также в реконструкции церковно-административного центра Пскова – Довмонтова города, который в результате комплексной реконструкции, превратился в живописный, сложный многообъемный и многоглавый церковно-монастырский ансамбль, заслуживший специального анализа, и описанный в трудах по результатам многолетних археологических исследований Государственного Эрмитажа.⁵¹ Комплекс Домантовой стены после утраты Псковом вечевой и старой церковной организации испытал наиболее сильный удар, возможно, даже угрозу полной реконструкции и не сразу обрел устойчивость в новом городском ансамбле. Главным ударом оказался перевод торгового комплекса от Домантовой стены, которую летописец прямо связывает со Старым торгом Пскова. Храмовый комплекс фактически возглавлял Старый торг, который отныне перенесен на новую территорию. На какое-то время Домантова стена потеряла вместе с ктиторами и свое церковное значение. Знаковым стало возрождение в 1524 г. бывшего великокняжеского(?) храма Дмитрия Солунского на старых фундаментах. Довмонтов город стал представителем новой великокняжеской власти и его местной администрации.

Широкое церковное строительство после пожара 1533 года захватило городской центр. Налицо устойчивость старой градостроительной структуры, которой пришельцы не смогли противопоставить ничего принципиально нового. Широкая реконструкция храмового комплекса началась в первой пол. XVI в. Небольшие «вечевые» корпоративные

храмы не соответствовали требованиям новых властителей. И в Домантовой стене реконструкция в первую очередь подразумевала увеличение масштаба застройки. Но тесные границы территории и исторический план не позволили это сделать. Для этого центра отныне не было заинтересованного заказчика в лице вечевоего Пскова и церковных «всегородних» старост. Теперь главным стало соседство великокняжеского двора и участие новой администрации. Большая часть храмов Довмонтова города перестраивается. Пожары середины века и общий упадок только активизировали его перестройку в новый церковно-представительский городской ансамбль. Храмы строятся заново на старых фундаментах. Отдельно стоящие старые храмы обрастают приделами, притворами, сливаются воедино за счет промежуточных палаток, украшаются новыми звонницами. Особенно это касалось центральной и восточной части ансамбля. Четыре храма восточного фронта, примыкающие к городской стене со стороны Пскова, за счет пристроек слились в единый массив. Два храма Покрова и Святого Духа выстроены на старых фундаментах заново. Главной характерной особенностью этого ансамбля является сохранение в качестве главного храма Рождества XIV в. с ансамблем классических псковских росписей. Уважение к псковской старине, культ Святого великого князя Всеволода-Гавриила, Святой равноапостольной княгини Ольги говорят об особом историческом статусе Пскова, об особом характере отношения к Пскову как одному из очагов государственности, приверженном великокняжеской власти, уделу Великого князя. Этот исторический факт имел решающее значение и для градостроительного развития. Не строительство нового города, а подчеркнутое уважение к его старине – вот основа этого развития. Авторитет древнейших храмов и монастырей и внимание к их украшению, реконструкция старых (в том числе, вечевых!) храмовых ансамблей, сравнительно малое строительство совершенно новых храмов – все это определяло роль храмового ансамбля Пскова как традиционного градостроительного каркаса всей застройки. Историческое местоположение храмов способствовало сохранению привычной структуры улиц и пло-

щадей, объемному решению застройки и сохранению исторических доминант.

Некоторые дополнительные данные о состоянии храмового комплекса можно извлечь из летописных сообщений о пожарах. 1550 г.: «...А каменныхъ церквей погорело 31, а в Домантовы стены 2 церкви огорело, Ероусалим да Федоръ, тол же страшно запаление и троскота, горение...; а деревяныхъ церквей 15, а Михаила святыи оу Песках церковь развалилася, а Воздвижение и Влагеи церкви порасседалися...». ⁵² В отличие от Новгорода, на середину века показано в числе погоревших достаточно много, почти половина деревянных храмов. Но это положение из-за тех же пожаров, надо думать, неуклонно изменялось в пользу каменных. Впрочем, и в Новгороде в начале века было немало временных деревянных храмов, которые постепенно перестраивались в камне. Число храмов значительно превышало нынешнее (старых 60 и более против 50 сохранившихся в наше время). Если учесть их роль в ландшафте, и то, как завершения храмов выделялись в пониженной деревянной застройке, нетрудно представить себе их доминантную роль и то впечатление, которое производил выразительный силуэт городско-го ансамбля.

Общегородской центр (площадь)

1510 «...Месяца генваря в 13, на память святых мученик Ермолы и Страстника, спустиши вечный колокол святых живоначальных Троица...и повезоша его на Снетогорский двор к Ивану Богослову, где нонна наместнич двор; тоя же ноци привезоша Третьяк вечной колокол к великому князю в Новгород... И поехал во Псков, и сретити его владыка, кои с ним приехал, и священноиноки, и священники, и дьяконы на Торогу, где ныне площадь; а сам князь слез с коня во всемилостивого Спаса, тоуто же и благословил его владыка, и пошел ко святей живоначальней Троицы... и поидоша псковичи от мала до велика на великого князя двор...И посадники и бояре поидоша в грядню, а инех на крыльце стоя князь Петр Васильевич по переписи почал кликати... а псковичем молодшим людем, кои на дворе стояли... и торжища наши раскопаша, а иные торжища калом коневым заматаша...». ⁵³ Глав-

ный общегородской центр Пскова, площадь Старого торго в последний раз сыграла свою роль общегородского центра вечевои столицы. Варварское разорение большого торго привело к его длительному запустению, но центр живого, развивающегося города не мог пустовать вечно. Через несколько лет в летописях появляются сообщения о деревянном церковном строительстве на площади. 1519 (1518?): «... Того же лета поставиши три церкви деревянных повелением великого князя: на старом Торговище поставиши святого Лукоу еуангелиста, на площади на Кузнецком ряду, а второе за всемилостивым Спасом, Фому апостола, да Дмитрея Вологоцкого...». ⁵⁴ Храмы, очевидно, строились с приделами: «В лето 7026... Тогда поставиши в Пскове, на старом Торговищи церкви: Петра митрополита да Лоука еуангелиста да апостола Фому да Дмитреи Вологоцкои, да и колокол святеи Троици Краснои, а преже того и в Корсуньского место вечника прислал князь великеи Василеи Иванович другои колоколъ...». ⁵⁵ Очевидно, что строительство и возвращение колоколов взаимосвязаны – московское правительство озаботилось восстановлением роли городского центра. В 1521/2 г. «... Сентября в 15 день умыслиши князь Михаила Кислица собором святых Троицы церковь поставиши обыденную, а гости ялися ружити во имя преподобнаго отца нашего Варлама древяную за Всемилоствивым спасом на площади и освящали в девять часов; и ничто не успе, но боле мряху... а сам государь слезы пролиал на молебне... и повеле церковь поставити Покров святеи богородици ис своеи казны, и попов ружити. И послал митрополита своего со святою водою...». ⁵⁶ Город разорен, деревянный моровой храм ставится в самом центре города и вскоре перестраивается в камне. Строителями в городском центре, естественно, выступают сведеные: «... В лето 7035. Поставиши церковь каменую святого Варлама на площади гости приведеня, а в приятелех Данило Соболев; и бысть та осень дозжива, и небрежением приятелеи надеся, а не священна бь, и Деисоус написан бысть по неи...». ⁵⁷ Опыт корпоративного, по мнению Вл.В. Седова, строительства, «...что очень характерно для Северо-Запад-

ной Руси...»⁵⁸ оказался неудачным, вскоре, в 1530 г. храм строится заново: «*Поставиша церковь каменуую, в падшеи место, преподобного Варлама на площади, и освящаиша ю февраля в 2 день, того же лета...*».⁵⁹ Свободная от застройки бывшая Торговая площадь, таким образом, расширила комплекс церковно-административного центра, ранее ограниченного Домантовой стеной и Княжим двором. Сведенные гости заявили свои права на городской центр. Но застройка принципиально нового городского центра, *площади* происходит медленно и сложно. После пожара 1533 года перечисленные деревянные церкви во имя Св. Луки евангелиста, Фомы Апостола и Дмитрия Вологодского на площади больше не упоминаются. Спустя 13 лет, в 1543 г. перестроен в камне храм... *святого Спаса всемилостивого на площади, Свечный ряд...*⁶⁰. Другая летопись уточняет: «... *всемилостиваго Спаса на Старом Торгоу против княжа двора...*».⁶¹ Топоним *Свечный ряд*, возможно, не случаен. Церковный комплекс не был затронут разорением. Есть упоминания о лавках Снетогорского подворья и Святодуховской церкви (на *площади*?). Пришло время позаботиться об административном центре. Не совсем понятно упоминание торговых рядов. Скорее, это старые привычные ориентиры, чем сохранившиеся торговые ряды. Свечной, в связи с церковным комплексом, мог еще существовать, но Кузнечный – едва ли. Под 1541 г. возобновляет работу судница на Княжем дворе: «...и *начаша псковские целовальники и соцкие судити лихих людей на княжи двори, в судницы над Великою рекою...*».⁶² Выше, в сообщении 1510 г. упомянут Наместничий двор в районе Снетогорского подворья, дата строительства которого неизвестна. В 1535-м «...*поставил владыка Макарей двор в Пскове к площади межю Великою оулицы и Петровскою стороне, Застеньи...*».⁶³ Впервые в Пскове, на главной площади появилось постоянное представительство новгородского владыки, духовной власти. Поп Иван ближнего к площади и владычному подворью храма Георгия с Болота в 1544 г. был назначен владыкой Феодосием старостой для сельских и пригородских попов, отколовшихся от городских.⁶⁴ Очевидно, что в духовной сфере

происходили свои движения. Таким образом, новая *площадь* оказалась окруженной административными зданиями с запада, севера, востока. Это «официальное» окружение завершилось только в позднейшее время комплексом Почтового двора с южной стороны площади.

Уникальные по информативности псковские летописи содержат подробные сведения по истории храмов на площади и косвенные - о фрагментах застройки городского центра. Так в сообщении о последствиях пожара 1550-го года содержится известие о том, что два храма на площади «...*Воздвиженье и Власей церкви порасседалися...*».⁶⁵ Местоположение восстановленных храмов известно. Св. Власий, перенесенный на новое место, примыкал к Домантовой стене на Власьевском спуске к реке. Как один из символов старого вечевого Пскова, он, наверное, не восстанавливался. Храм Воздвиженья восстановлен на старом месте, на территории Государева двора, который и стал, очевидно, большим очагом пожара. Этот храм известен по планам XVIII в. Храмы Спаса и Варлаама Хутынского на *площади*, по другую сторону трассы Великой улицы так сильно не пострадали, поскольку находились поблизости от большой болотины. Они стали главным ориентиром нового городского центра, тем местом, где высокие гости обычно спешили и шли к Троицкому собору пешком. Здесь же псковский клир во главе с печерским игуменом Корнилием встретил в трагическом для города и самого игумена 1570-м году Ивана Грозного с опричниками. Болотина была Ю-В границей *площади*. Как уже говорилось, она дала название храму Георгия с Болота,⁶⁶ который находился за болотом в городской застройке и в состав храмового комплекса на площади не входил. Таким образом, *Площадь* не была велика и прилегала к Домантовой стене. С севера ее ограничивали съезд к Рыбницким воротам, Снетогорское подворье и Наместнич двор. Восточной границей стали строения Владычного двора. С запада ситуация не изменилась - стены Государева двора оставались стабильными. Судя по позднейшим планам XVIII в., на юг, вдоль Великой ул. площадь не могла распространяться далеко от южной границы Государева двора (раз-

вилка Великой и Печерской улиц примерно по направлению трассы Ольгинского моста). Эта территория частично оставалась свободной, а в центре украсилась новой доминантой – храмовым комплексом. Юго-западной границей служила большая лужа – *Болото*.

Жилой город.

Концы и локальные центры в их застройке.

Средний город. Старое Застенье.

Наиболее сильным ходом московского правительства стало великое отселение псковичей из Среднего города и замещение его семьями пришлых переселенцев.

1510 г.: «... **Того же лета к Троицыну дни приехаши во Псков гости сведенья москвичи з десяти городов 300 семеи; и начаши им давати дворы в Среднем городе, а пскович всех выпроводиши из своих дворов Окольеи город и на посад. А дворов было в Застеньи 6500...** ».⁶⁷ «... **А все были жили, а стали пустые от Наместников и их тиунов,** »⁶⁸ - добавляет Погодинская летопись. «... *Всего в Пскове, по Псковской повести оставлено было 1000 человек детей боярских и 500 пицальников. Летом («к Троицыну дни») во Псков прибыло 300 купеческих семей («гости сведенья москвичи з десяти городов»). Они поселены были в Среднем городе..., а псковичи были оттуда выдворены ...*». ⁶⁹ Такое переселение не могло, казалось бы, не привести к большим градостроительным изменениям. Но этого также не произошло. Как уже говорилось, археологические исследования на территории Старого Застенья (у пединститута) не отмечают на данном этапе каких-либо принципиальных изменений в уличной планировке. Не отмечено, если не считать уплотнения, развития и естественных колебаний, связанных со сменой поколений и собственников, изменений в структуре усадебной застройки: «... *На основании анализа результатов раскопок на территории квартала можно сделать вывод о том, что здесь была в XVI-XVIII вв. плотная застройка. Планировка города в этот период не отличается от древней. Все раскрытые сооружения имеют традиционную ориентацию – северо-запад – юго-восток и тесно связаны с трассами улиц и проулка. На изученной территории раскрыты 2 улицы и проулок. Улица, выявленная в раскопах 1968-70 гг., и VIII (раскоп*

1985 г.) непрерывно существовала, начиная с 12 века и известна по плану 1740 г...».⁷⁰ Храмовый комплекс, как уже отмечалось, также сохранился и усилил свое доминантное значение в структуре застройки. В том же центральном районе города построена и освящена 14 декабря 1532/33 г. моровая обыденная ц. Гавриила у Михайловских ворот: «*В лето 7041... мор... и повеле... князь великий из своей казны церковь поставити обыденную, кои храм миру оугожь;... и поставиши церковь святого Гавриила у Михайловских ворот, на Обакумове дворище Можайча сведена, против дьяских дворов, и поставиши и освящаю в день един, месяца декабря в 14...*».

⁷¹ Очевидно, речь идет о Старом Застенье, о месте у ворот бывшей стены 1309 года, где находились элитные *дьяские* (дьячьи?) *дворы* и освободилось (после пожара?) место – *Обакумово дворище* переведенца из Можайска. И о новом этапе развития храмового комплекса кончанской церкви Михаила Архангела, значение которого в городской застройке только возрастает. Позднее временный деревянный обыденный храм стал придельным престолом большого каменного. Даже пожарные разорения 1533 и 1550 гг., которые буквально опустошили Старое Застенье, не могли изменить стабильности и естественного процесса развития. Возможно, они также стали следствием неупорядоченности в городской застройке после переселения. И заставили принять какие-то противопожарные меры к наведению порядка в застройке. В катастрофическом пожаре 1562 года переселенцам уже удалось отстоять центр: «... *только в Застеньи осталось, отняли церкви архаггела святого Михаила да Гавриила, да Спасову церковь да Николоу чудотворца да Варвары мученицы да Печерской двор и церкви Одигитрия пречистыя да Великого Василия да Петра и Павла и Бориса и Глеба, то место и дворы бог помиловал и съхранил...*».⁷² Пожары подстегнули каменное храмовое строительство в Среднем городе. Перестроены все главные храмы - Николы со Усохи (1536), Анастасии Римлянки в

Кузнецях (1537), Петра и Павла с Буй (1540), Михаила и Гавриила Архангелов и Василия на Горке (?), храмовый комплекс на площади (1543, после 1550). ⁷³ К этому по-

слепожарному ряду примыкает новое монастырское строительство 1537 года в Среднем городе: «Того же лета во Пскове старцы Печерские, оу своем дворе приезжем, поставиша церковь каменую на погребѣ за Николою святым пречистые Одигитрие, на Ивановѣ дворице Позняковѣ Тверитина сведенного...».⁷⁴ Речь идет о строительстве на престижном месте храма нового типа на погребѣх на подворье отныне самого первого, промосковского монастыря. Места освобождались уже после гибели в том же пожаре 1533 г. или разорения новых переселенцев. Это косвенное подтверждение полного владычества переселенцев на территории Среднего города. Впервые для Пскова (и Среднего города) под 1579 г. (от 11 сентября) встречается Грамота Ивана IV о пожаловании для подворья непсковского Кирилло-Белозерского монастыря оброчного двора Ивана Семенова сына Преподобова (знатного переселенца?) с садом и огородом в Среднем городе на Васне (Вастиной, Васинѣ) улице.⁷⁵ Грамота подтверждена 29 декабря 1683 царями Иваном и Петром.⁷⁶

Под 1534/35 г. впервые упоминаются в Пскове тюремные строения и ямской двор –

тюрьма на смерть под Бурковским костром (очевидно, нижние ярусы самой башни) и тюрьма у Трупеховских ворот, недалеко от храма Василия Великого. «...Тоя же зимы в велики пост засадиша на Москве царя Шигаля (Ших-Алея – И.Л.) Тотарского и послаша его на Белоозеро, а людеи его по городам розведоша... и во Псков, Тотар з женами и з детми; и приведоша их во Псков, и нарядиша им избы и весь наряд дворныи на ямском дворе у Трупеховских ворот...». Другое сообщение дополняет: «...Того же лета месяца июня в 26, посадиша Тотар царя Шигаля людеи 73 в тюрьмоу в Среднем городе под Боурковским костром от Великие реки, на смерть...; а катуеи посадиша в ыноую тюрьмоу, легче и виднее оу Трупеховых ворот к Василью святому на Горкоу...».⁷⁷ Из текста сообщений можно предположить, что под тюрьму отведен ямской двор, который освобожден или переведен на новое место (за Петровскими воротами Окольного города?). Крепость Среднего города продолжала функционировать (упоминается воротник Бродских или Кстовских ворот, сиделец лавки Святодуховской церкви⁷⁸).

Примечания

- 1 Русские летописи. Цит. по кн. Масленникова Н.Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству – Л., 1955 – С. 135, 191-192.
- 2 Вл.В. Седов. Архитектура Пскова XVI века -
- 3 Похлебкин В.В. История водки – М., 2008 – С. 104-108.
- 4 Летопись Земли Псковской – Псков: ПГПУ, 2007 - С. 110.
- 5 ПЗЛ, Оконч. Архивск. 2-го – С. 255-256.
- 6 Масленникова Н.Н. Указ соч.
- 7 Харлашов Б.Н. Охранные археологические раскопки в Пскове в 1997-2005 годах // АИППЗ. Мат ЛII заседания – Псков, 2007 – С. 66-82. С. 77-80.
- 8 Е.Н. Морозкина, Вл.В. Седов. Разделяя эту точку зрения московских исследователей, напомним, что речь идет о выживании и адаптации псковской школы в новых условиях. Неизвестно каких высот достигла бы псковская культура, консервативная, но и ранее очень выборочно воспринимавшая достижения других культур, в условиях дальнейшего самостоятельного развития.
- 9 ПЗЛ, Оконч. Архивск. 2-го – С. 255-256.
- 10 Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. Перевод с польского О.Н. Милевского – (Псков, 1882) // Осада Пскова глазами иностранцев. Дневники походов Батория на Россию (1580-1581 гг.) – Псков: Псковская областная типография, 2005 – С. 322.
- 11 Васильев Арк. и Янсон А.К., 1929 – С. 23.
- 12 Он также мог объединить Кром с Домантовой стеной и выделить Запсковье.
- 13 Цит. по изд.: Седов Вл.В. Псковская архитектура XVI века – М., 1996- С. 19.
- 14 1510 год: «... Того же лета к Троицыну дни приехаша во Псков гости, сведеныя Москвичи с десяти городов 300 семей, и начаша им давати дворы в среднем городе, а пскович всех вы проводили из своих дворов в окольный город и на посад. А дворов было в Застеньи 6500...»

- Погодин М. Псковская летопись. Строевский список – М., 1837 – С.181.
- 15 Скрынников Р.Г. Трагедия Новгорода – М: Изд.им. Сабашникова, 1994-С.28-29.
- 16 ЛЗП-С.124.
- 17 Васильев Арк. и Янсон А.К., 1929 – С.23.
- 18 «... Еще в 1508 г. из Москвы в Новгород был послан боярин, которому поручено было урядить здесь торги, ряды и размерить «по-московски» улицы. – Монгайт А.Л., 1952– С.33. Большая перепланировка произведена после пожара 1530 г. - ПСРЛ. Т.VI- С.288.
- 19 Древнерусское градостроительство. Т. – С. 82.
- 20 Харлашов Б.Н. Охранные археологические раскопки в Пскове в 1997-2005 годах // АИППЗ. Мат ЛII заседания – Псков, 2007 – С. 66-82. С.77-80.
- 21 Очевидно копию снял и доставил в Рим папский легат А. Поссевино, непосредственный участник событий.
- 22 Повесть о приходе войск Стефана Батория на град Псков - М.-Л., 1952 – С.81.
- 23 Цит. по кн. Масленникова Н.Н. – С. 191-192.
- 24 Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию – С.320.
- 25 ПЗЛ, Строевск. - С. 242.
- 26 Там же.
- 27 ПЗЛ, Оконч. Архивск. 2-го - С. 261.
- 28 ПЛ, Продолж. Погодин. – С.111.
- 29 ПЛ, Оконч. Оболенск. – С.113.
- 30 Этот колокол сохранился, но вывезен из Пскова и находится в Нарве.
- 31 ПЛ, Продолж. Погодин. - С. 100.
- 32 Мокеев Г.Я. Столичный центр вечаевого Пскова. – М., 1971.
- 33 ПЛ(продолж. Погодинск) – С.107.
- 34 ПЛ, Оконч. Оболенск. – С.113.
- 35 Граф Толстой. Святыни и древности Пскова -С. 76,77.
- 36 ПЗЛ, Оконч. Архивск. 2-го – С. 260.
- 37 ПЗЛ, Строевск. - С. 242.
- 38 Вл. В. Седов.
- 39 Летопись Земли Псковской - С.116.
- 40 Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени. (Очерки политической истории России первой трети XVI века – М., Мысль, 1972- С.123.
- 41 Масленникова Н.Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству – Л., 1955-С.142-145.
- 42 ПЗЛ, Строевск. - С. 242.
- 43 Мусин А.Е. Новые данные по исторической топографии средневекового Новгорода // НИИЗ ИА, вып.18 - Великий Новгород, 2004 - С.294.
- 44 Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. Перевод с польского О.Н. Милевского – (Псков, 1882) // Осада Пскова глазами иностранцев. Дневники походов Батория на Россию (1580-1581 гг.) – Псков: Псковская областная типография, 2005 – С.243-482.
- 45 Вл.В. Седов - С. 13-14.
- 46 ЛЗП-С.103.
- 47 ПЛ, Продолж. Погодин. – С.111-112.
- 48 Седов Вл.В. – С.10.
- 49 Седов Вл.В. – С.26.
- 50 Там же.
- 51 Белецкий В.Д. Довмонтов город. Архитектура и монументальная живопись XIV в. - Л., 1986; Белецкий В.Д. Довмонтов город средневекового Пскова.// Труды V международного конгресса славянской археологии. Т.III, вып.2а. – М., 1987. и др.
- 52 ПЗЛ, Строевск. - С. 231
- 53 ПЛ, продолж. Погодинск.-С.92-97.
- 54 ПЛ, Продолж. Погодинск. – С.100-101.
- 55 ПЗЛ (Строевск)- С.226.
- 56 Копенгагенск. - С. 292.
- 57 ПЛ, Продолж. Погодинск. – С.104.
- 58 Седов Вл.В. Псковская архитектура XVI века – М., 1996- С.19.

- 59 Там же.
- 60 П1Л (продолж. Погодинск) – С.111.
- 61 ПЗЛ(Строевск) - С. 230.
- 62 П1Л (продолж. Погодинск) – С.110.
- 63 ПЗЛ, Строевск. - С. 228.
- 64 П1Л, Продолж. Погодин. – С.111-112.
- 65 ПЗЛ, Строевск. - С. 231.
- 66 О.А.Колосова в сообщении на Археологическом семинаре 18.04. 2011 г. привела графические материалы I пол. XVIII в. по городскому центру из архива Артиллерийского музея, на которых достаточно точно показано местоположение храмов Варлаама и Спаса на Торгу напротив Артиллерийского (б. Государева) двора, близ большой лужи или болотины, которая оставалась на главной площади города до XIX в.
- 67 ПЗЛ, Оконч. Архивск. 2-го – С. 255-256.
- 68 Погодин М. Псковская летопись. Строевский список – М.,1837 – С.181.
- 69 Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени. (Очерки политической истории России первой трети XVI века – М., Мысль,1972 - С.121. По сведениям из разных источников и летописных сводов.
- 70 Историческая записка к проекту реконструкции квартала (19) исторического центра Пскова в пределах улиц К. Маркса, Пушкина, Ленина. ПГОИАХМЗ. Рукоп. – Псков, 1991- Л.49-56.
- 71 П1Л, Продолж. Погодин. – С.104.
- 72 ПЗЛ, Строевск. - С. 242.
- 73 ПЗЛ, Строевск. - С. 228,229,231,242.
- 74 ПЛШ, Копенгагенск. - С. 293.
- 75 Не исключено, что улица получила название от ц. Василия Великого на Горке.
- 76 ЛЗП-С.120.
- 77 П1Л, Продолж. Погодин. – С.107.
- 78 Историческая записка. Храмы «Рождественской батареи» Довмонтова города. Памятники архитектуры XIV-XVI вв.(ц. Николы над Греблей XVI в., ц. Рождества Христова 1388 г., ц. Покрова Богородицы XVI в.). ГП Псковский институт «Спецпроектреставрация», Т.1, Кн. 3. Обоснование принятых проектных решений – Псков, 2003.